

«Предназначение единоверия – служить единению русского церковного народа»

Интервью с секретарем Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством, руководителем Патриаршего центра древнерусской богослужбной традиции, настоятелем храм Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове г. Москвы протоиереем Иоанном Миролюбовым опубликовано на сайте Сретенского ставропигиального мужского монастыря.

Протоиерей Иоанн Миролюбов родился в 1956 г. в Риге, в традиционной старообрядческой семье. Он окончил факультет приборостроения и автоматизации Рижского политехнического института, а по направлению Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины завершил обучение в Ленинградской православной духовной семинарии и Московской духовной академии. Отец Иоанн – кандидат богословия, доктор теологии Латвийского университета. Возглавлял в качестве старшего духовного наставника Гребенщиковскую общину, был избран председателем Центрального Совета Древлеправославной Поморской церкви Латвии и духовного центра старообрядцев-поморцев стран Балтии, Польши и Белоруссии. В 2001 г. с большой группой прихожан присоединился к Русской Православной Церкви, в 2005 г. был рукоположен в сан диакона и назначен секретарем Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством. С 2007 г. – штатный священник, а затем и настоятель московского храма Пресвятой Богородицы в Рубцове, где богослужения совершаются по древнему чину. В 2009 г. указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла назначен руководителем Патриаршего центра древнерусской богослужбной традиции. Мы говорим с отцом Иоанном о деятельности Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством, причинах существования раскола XVII века в наши дни, истинной национальной идее и о принятии исторического Положения о единоверии на заседании Священного Синода 24 марта.

— Отец Иоанн, на заседании Священного Синода в конце декабря 2021 г. был одобрен ежегодный отчет о деятельности Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством, но прозвучало и новое задание для Комиссии – представить на заседание Синода проект Положения о старообрядных приходах. Это очень важная новость для всего единоверия, и мы о ней сегодня обязательно поговорим. И поскольку Вы являетесь секретарем Комиссии, прошу немного рассказать о ее деятельности, а также о жизни единоверческих приходов сегодня.

— Наша Комиссия имела некий первообраз – рабочую ведомственную комиссию из сотрудников Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС МП), но расширение круга задач потребовало создание общецерковного органа. Нынешняя Комиссия была учреждена при ОВЦС МП на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2004 г. особым определением «О взаимоотношениях со старообрядчеством и о старообрядных приходах Русской Православной Церкви». Согласно утвержденному Священным Синодом положению о Комиссии, ее главой является председатель ОВЦС, а состав и ежегодный отчет о деятельности утверждаются журналами Священного Синода. В настоящее время из 18 членов Комиссии половина – епархиальные архиереи, все остальные – духовенство старообрядных приходов Русской Православной Церкви и сотрудники ОВЦС. Первым председателем Комиссии был возглавлявший на тот момент ОВЦС митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, а после его избрания Патриархом Московским и всея Руси Комиссию возглавил новый председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион.

— *Насколько можно судить по названию Комиссии, она должна решать одновременно две задачи – выстраивать отношения со старообрядчеством и вести координацию служения старообрядных приходов Русской Церкви. Целесообразно ли возлагать решение этих задач на один церковный орган?*

— Да, действительно, на Комиссию возлагается решение двух задач. Согласно соборному определению 2004 г., Комиссия должна способствовать «развитию добрых взаимоотношений и сотрудничества со старообрядческими согласиями, особенно в области заботы о нравственном состоянии общества, духовного, культурного, нравственного и патриотического воспитания, сохранения, изучения и восстановления исторического культурного достояния». С другой стороны, Комиссия призвана «оказывать содействие издательской, образовательной, культурной и иной деятельности старообрядных приходов Русской Православной Церкви, осуществляя координацию их служения в сотрудничестве с епархиальными Преосвященными, в канонической юрисдикции которых пребывают старообрядные приходы». И дело тут не в том, что один церковный орган призывается к решению двух разных задач. В Церкви существуют институты, решающие гораздо большее число задач. Дело даже и не в том, что само название Комиссии нередко вносит некоторую путаницу во внутрицерковном общении: старообрядчество обычно воспринимается как нечто внешнее по отношению к Церкви, а о существовании старообрядных приходов внутри самой Русской Православной Церкви далеко не все ее чада осведомлены.

Можно поставить вопрос иначе: насколько две разные функции сочетаемы друг с другом и помогает ли это работе Комиссии? И у меня нет однозначного ответа – в одних случаях помогает, в других определенно мешает.

— *Итак, взаимоотношения со старообрядчеством. Комиссия существует уже немногим более пятнадцати лет. Каковы результаты?*

— Взаимоотношения со старообрядчеством – это, конечно, все же прерогатива ОВЦС. Наличие Комиссии дает возможность вести в этом направлении работу планомерно, анализировать текущее положение дел. Ведь нельзя сказать, что все в этой области настолько стабильно, что не о чем размышлять или вовсе нет пищи для анализа.

Довольно часто приходится слышать дорогой для христианского сердца, но вместе с тем и несколько наивный вопрос: «Когда же Русская Православная Церковь объединится со старообрядцами и будет положен конец расколу?» Но старообрядчество – это ведь совокупность нескольких сравнительно крупных и мелких течений (согласий), которые молитвенно между собой не общаются. Если гипотетически представить некоторое сближение одного из согласий или его части с Русской Православной Церковью, то, как показывает практика, остальные болезненно реагируют, оставаясь в еще большей изоляции. Тут, что называется, математически понятно, что движение к церковному единению практически возможно только внутри Русской Православной Церкви, в ее старообрядных приходах. Правда, любой успех в этом направлении создает у старообрядцев негативное отношение к этим самым приходам. Тут и вспомнишь о диалектике (единство и борьба противоположностей): в Комиссии объединены не просто две схожие задачи, но во многом они и противоположны...

Было бы неверно считать, что перед Комиссией ставится или ставилась задача объединения со старообрядцами. В своем интервью изданию «Коммерсантъ» председатель Комиссии митрополит Волоколамский Иларион совершенно справедливо отметил, что «объединение невозможно, если одна из сторон считает другую "еретической"». Ясно, что здесь речь идет о представлениях старообрядческой стороны.

Но вернемся к мною уже цитированному соборному определению 2004 г., где говорится о «развитии добрых взаимоотношений и сотрудничества» с указанием приоритетных областей такого сотрудничества. И если не принимать во внимание определенные проблемы в межцерковном общении и сотрудничестве, вызванные в последние два года антиковидными ограничениями, то дело обстоит в целом благополучно, во всяком случае, относительно самого крупного и организованного старообрядческого течения – Русской Православной Старообрядческой Церкви. На многих церковно-общественных форумах, прежде всего на Всемирном русском народном соборе, представители этого согласия, во главе со старообрядческим митрополитом Московским и всея Руси Корнилием, стали смотреться уже вполне привычно.

Все вопросы взаимодействия можно разделить на текущие, зачастую требующие оперативного решения (например, вопросы имущественного

характера или касающиеся обучения старообрядцев в православных духовных школах), и вопросы, требующие обсуждения всем составом Комиссии, порою и по несколько раз. Например, Комиссией были представлены на утверждение Священного Синода тексты чинопоема из старообрядческих согласий в Русскую Православную Церковь (приняты 9 марта 2017 г. (журнал № 11), поскольку не имелось единства мнений – где-то в евхаристическое общение принимали простым покаянием, а в иных местах и Крещением.

Имеются и вопросы, которые по своей природе должны быть пролонгированы во времени – в частности, продолжающийся с Русской Православной Старообрядческой Церковью диалог о канонической оценке существующей в ней Белокриницкой церковной иерархии. Кардинальных продвижений в этом вопросе не видно (в смысле признания законности этой иерархии), но польза имеется, поскольку обмен посланиями позволяет лучше понять друг друга. В любом случае диалог лучше, чем когда-то былой диктат.

Интенсивно развивается сотрудничество во многих православных епархиях, постепенно разрушая стену недоверия и взаимной неприязни. А это первоочередная и нелегкая задача. Мы, как принято считать, живем в стране просвещенной, с высоким уровнем образования. Увы, в церковно-историческом плане продвинуты лишь единицы. На сегодня мы имеем довольно твердо устоявшиеся нарративы или, лучше сказать, мифологически обоснованные схемы, давно сформировавшиеся по обе стороны бывшего противостояния. Для большинства православных старообрядцы – это крайне невежественные люди, обрядоверы, способные принять смерть за малопонятные современному человеку различия в обрядах, противящиеся «прогрессу» и исправлению богослужебных книг, в частности. Между тем сколько-нибудь образованному человеку понятно, что никакого научно обоснованного исправления книг в XVII веке просто не могло быть. Его и не было. Как бы в скобках замечу, что это хорошо понимали и православные ученые, правда, уже в XIX-XX столетиях. Например, профессор Киевской духовной академии Дмитриевский установил, что прототипом Никоновского служебника был даже не новогреческий, а украинский служебник епископа Гедеона (Балабана), изданный в 1604 г. в Срятинне. Иными словами, имело место не «исправление книг», а принятие иной, южнорусской редакции, что было обусловлено не церковными, а политическими нуждами, как они царским двором тогда понимались. Но и это все частности. Каждый, кто заглядывал на богослужение старообрядцев, понимает, что дело отнюдь не только в перстосложении или иных деталях, а в молитвенном настроении на строгое совместное богослужение, где не может быть картин и хоровых концертов, а уставной порядок, традиционного письма иконы и древнее унисонное пение. Иными словами – разница в мироощущении, эстетических предпочтениях, системе духовных ценностей. Причем отражается это и на порядке устройства церковно-приходской, общинной жизни. Людям, которым внутренне чужда культура Древней Руси, тем, кто не в состоянии

отличить духовное от душевного (см.: 1 Кор. 15:44), никогда не понять протест старообрядцев против секуляризации церковной жизни и культуры (лучше сказать – обмирщения). А поскольку секуляризация эта происходила в крайне воинственных формах, то и протест это рождало решительный и радикальный, сопровождающийся соответствующими «идеологическими установками».

— *Известно, что старообрядцы на вопрос о возможности преодоления раскола отвечают прямолинейно: «все православные должны перейти на старый обряд и соединиться со старообрядцами». Что бы Вы на это ответили?*

— Соединиться с каким именно течением старообрядцев? Увы, но воду истории вспять не повернуть. Меняется ментальность человека, его психология, ритм жизни, восприятие окружающего мира. Православный человек понимает, что мир меняется. Пусть и не в лучшую сторону, но это некая объективная данность. И мы все верим, что Дух Святой не может покинуть Христову Церковь, которая и в меняющемся мире должна жить и спасать. Поэтому нельзя все повернуть вспять, хотя что-то повернуть можно и должно. Ведь сегодня во многом имеется тенденция к возврату к древним образцам – в иконописи, храмовой архитектуре. С большим сопротивлением происходит возвращение к древнерусским певческим образцам. Но ведь происходит...

А потребности человеческой души в отношении к литургическому благочестию различаются. Ведь встречаются же до сих пор люди, которые были приобщены к древней церковной традиции с детства, а кто-то открыл ее для себя уже в зрелом возрасте и оказался поражен необыкновенной силой древней молитвы. Вот для них и нужны старообрядные приходы, не присваивающие себе исключительное право на спасение человечества или избранной части этого человечества, а живущие прежней церковной традицией, передающие ее тем, кто желает ее воспринять. Делая это не отделяясь от Церкви, свято храня церковное единство.

— *Вы как-то невзначай переходите к разговору о единоверческих приходах Русской Православной Церкви, хотя мы еще не закончили тему согласий.*

— Вы правы. Заниматься старообрядными приходами (иначе говоря, православным старообрядчеством, хотя имеется и историческое наименование – единоверие) мне гораздо интереснее. Это, конечно, глубоко субъективно, но попытаюсь объяснить почему.

Мне сейчас видится парадоксальная картина. Заметная часть русского церковного народа потянулась к истокам национальной истории и культуры. Растет интерес к древнему пению, иконописи, богослужению. Вместе с тем в нашей стране имеются обширные пространства не так давно населенные староверами, где об этом уже мало кто помнит. В то же время появляются

старообрядческие общины разных согласий в городах, даже тех, где никогда таких общин не было. Социологи бы сказали – это закономерно, урбанизация, внутренняя миграция и прочее. Но что это в целом – упадок или возрождение?

Мой ответ неоднозначен. Еще несколько десятилетий назад духовные авторитеты из старообрядческой среды, с которыми мне немало довелось пообщаться, обычно высказывали весьма пессимистические мысли: в европейской части СССР старообрядцев больше нет, а осталось некоторое число выходцев из старообрядцев. Их вывод понятен: старообрядчество – это определенная бытовая среда, традиционный уклад жизни, быстро разрушаемый строителями «светлого будущего». Деревня разрушена, социальные слои, на которых держалось старообрядчество, уничтожены. В, казалось бы, более благополучной Балтии, где сохранилось значительно более сотни старообрядческих общин, возникли другие проблемы – ассимиляция, перестройка сознания на культуру Запада. Что же осталось? В иных старообрядческих храмах можно видеть и запустение, признаки определенного кризиса. Но при этом многие городские общины развиваются, регулярны сообщения об освящении новых храмов. Мне хорошо известно, что нередко основная масса прихожан в таких развивающихся приходах состоит вовсе не из выходцев из старообрядческой среды. Чаще всего – из отошедших от Русской Православной Церкви. Значит, они там нашли то, чего не смогли найти в Московском Патриархате. Запрос на почвенность, корневую традицию есть, а удовлетворения запросу внутри Церкви не всем удалось найти.

— А как же единоверие? Кстати, начиная разговор о нем, стоит вспомнить историю создания этого учреждения в Русской Церкви.

— Стремление к церковному единству изначально присуще христианскому сознанию: «Да будут все едино» (Ин. 17:21). Призывами к единству и единомыслию пронизаны апостольские послания, это один из императивов христианской совести. Поэтому еще в конце XVIII столетия отдельные группы старообрядцев обращались к местным епархиальным архиереям и в Святейший Синод с просьбой присоединить их приходы к Церкви и разрешить им богослужения по древним книгам. Так, по инициативе самих старообрядцев, что очень важно, возникло единоверие как совокупность православных приходов, находящихся в лоне Русской Церкви, но придерживающихся в богослужебной практике дораскольных книг и обрядов.

Формально единоверие было учреждено Указом императора Павла I от 27 октября 1800 г., но изначально рассматривалось священноначалием лишь как средство спасения «неможных», в надежде, что «единоверцы Богом просветятся и ни в чем в неразствуящее с Церковью придут согласие» (митрополит Московский Платон (Левшин)). В сознании церковной иерархии прежнего времени древний русский церковный обряд оставался духовно

ущербным и допустимым лишь по снисхождению к народному «невежеству». Из такого убеждения вытекали и ограничительные особенности канонического бытия единоверческих приходов: возможность перехода в единоверие только из старообрядчества, недопущение прихожан приходов общецерковного обряда к таинствам, совершаемым единоверческими священнослужителями, и так далее. В целом проект имел ярко выраженный миссионерский характер, да еще в том виде, в котором миссионерство относительно старообрядцев в то время понималось.

Ситуация принципиально изменилась с развитием церковно-исторической, в частности литургической науки. Закономерно появились и определения Поместного Собора Русской Православной церкви 1971 г. о снятии клятв на старые церковные обряды и «признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им». И это придает факту существования приходов старого обряда в лоне Русской Православной Церкви совершенно иной смысл, чем заложенный в прежнем единоверии, – теперь первоочередной становится задача внутрицерковной реабилитации древнего русского богослужебного уклада, что особенно востребовано после пережитых нашим народом катастроф и катаклизмов. Поиски национальной идеи, глубин национального самосознания неизбежно приводят мыслящих людей ко времени неразделенной Церкви, ее преданию и ценностям. Ведь начало, отправная точка русской национальной идеи в глубокой древности – в Крещении Руси, давшем начало тому социуму, который самоосознал себя как Святая Русь. Поэтому с особым трепетом, пиететом многим хочется относиться ко времени неразделенной Русской Церкви и неразделенной русской общественной жизни.

На юбилейной конференции, посвященной 200-летию учреждения единоверия, которая состоялась в ноябре 2000 г. под председательством митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, было констатировано, что ныне сохраняется и прежнее предназначение единоверия – служить единению русского церковного народа, быть залогом и знаком надежды на это единение, поскольку в религиозном отношении русский народ по-прежнему остается в значительной мере разделенным. А существование внутри Русской Православной Церкви помимо общепринятого еще и древнего обряда должно свидетельствовать окружающему миру не о разобщенности церковного организма, а, наоборот, о способности ее членов «сохранять единство духа в союзе мира» (Еф. 4:3), о богатстве богослужебной практики и глубине внутреннего духовного потенциала Церкви. На конференции говорилось о необходимости разработки для единоверческих приходов новой концепции их бытия, отражающей необходимость их интеграции в общецерковную жизнь и открытость для всех православных христиан. Новое смысловое значение этих приходов повлекло за собой и такое решение впредь называть себя старообрядными приходами Русской Православной Церкви.

— *«Старообрядные» звучит очень похоже на «старообрядческие», но все же в названии разница чувствуется. А как на деле?*

— А по жизни разница еще более существенна. Отличие в самом главном — в отношении к Русской Православной Церкви и к общепринятым в ней чинам и обрядам. Современные единоверцы — органическая часть Церкви, ставящая своей задачей воссоздание идеалов Святой Руси, идеалов общих для всего русского народа предков. Казалось бы, ближайшими и естественными сподвижниками для единоверцев должны бы стать приверженцы старообрядческих согласий. Быть может, это изначально и закладывалось в название Комиссии. А на деле получилось несколько иначе — все же заметно различается система духовных ценностей. В практической церковной жизни, в самом деле, очень много полезного можно взять у старообрядцев, но столетия вынужденной изолированности вырабатывали в их среде не всегда только позитивные приобретения. Практически все нынешние старообрядцы твердо убеждены, что неприкосновенно сохраняют в своей среде устои и богослужебные традиции Древней Руси. При первом приближении такое впечатление создается, а при более внимательном изучении возникает все большее число вопросов. Богослужебные традиции старообрядцев не столь однородны, как первоначально может представляться, но в любом случае их историческая глубина не простирается далее середины XVII столетия. По нашим временам это замечательно, но не должно заранее перечеркивать более древние пласты, если они восстановимы.

Удивительно, но у старообрядцев нет ни тени сомнения, что сами они никак не трансформировали свое сознание, живя уже в XXI веке. И пусть бы, но проблемы в общении с ними такая самоуверенность создает. Да и сами старообрядцы интуитивно осознают проблему постепенной утери собственной идентичности, видя выход в подчеркнутом изоляционизме. Это было хорошо видно по недавно прошедшим межстарообрядческим форумам, где рефреном звучали не идеалы Древней Руси, а дистанцирование от Русской Православной Церкви. Психологически их понять можно, но надежды на сотрудничество в этом благом для русского народа деле становятся весьма призрачными. Да и можно ли строить будущее не на позитивных установках, а на актуализации негативного? В богоборческое время верующие люди мыслили и жили иначе, а теперь мейнстримом в старообрядчестве становится описанная хорошо сведущими людьми психология раскола.

— *Из Ваших слов видно, что процесс церковного единения на институциональном уровне практически не движется. А на личном?*

— А вот тут картина иная. Многие православные священники, особенно в больших городах и местах бывшего расселения старообрядцев, сталкивались и сталкиваются с присоединением к Церкви отдельных лиц и целых семейств. Конечно, проще их интеграция в общецерковную жизнь происходит там, где

имеются старообрядные (единоверческие) приходы. Было немало случаев присоединения и целых церковных общин, причем не только в России (Подмосковье, Урал), но и в Белоруссии, Латвии, США. И здесь надо сказать, что ныне действующий приходской устав Русской Православной Церкви определенно настораживает, как мне хорошо известно, помышляющих о единении старообрядцев. Ведь, согласно типовому уставу, судьба прихода всецело зависит от расположения к старообрядцам и единоверцам правящего архиерея, который одним своим волевым решением может изменить весь состав приходского собрания, а, следовательно, и статус прихода. Выражу надежду, что принятие Положения о старообрядных приходах Русской Православной Церкви в значительной степени снимет названную озабоченность, поскольку старообрядный статус прихода теперь может быть обозначен в его приходском уставе.

Существует и иная проблема в воссоединении с Церковью целых приходов. Большинство старообрядческих согласий имеют свои централизованные органы, а это значит, что на сегодняшний день в их юридических уставах, как и в Уставе Русской Православной Церкви, прописана невозможность выхода прихода из состава религиозного объединения вместе со своим имуществом, то есть храмом и церковной утварью. Поэтому сегодня главным фактором остается личный выбор верующего человека. И не в последнюю очередь многое тут зависит от наличия в той или иной местности старообрядных (единоверческих) приходов и их жизнеспособности.

— 24 марта на заседании Священного Синода произошло событие, которое можно считать историческим – оно прошло как будто незамеченным в большинстве церковных медиа. И это спустя почти год после 50-летия с момента проведения Архиерейского Собора и «отмены клятв на старые обряды». Да, я говорю о принятом Положении о старообрядных приходах. Расскажите о предыстории появления Положения.

— Мониторинг служения старообрядных приходов всегда был одним из главных направлений деятельности Комиссии, причем изначально ставилась задача выработать основанные на обобщении поступающей информации предложения по организации служения этих приходов. Единоверие ведь по существу заново возрождалось, как и многие прежние структуры Русской Православной Церкви. В годы церковных репрессий единоверческие приходы были подвергнуты почти полному уничтожению (к 1988 г. уцелело два небольших сельских прихода, а в 1917 г. в Русской Церкви было около 600 единоверческих приходов, не считая 20 монастырей). Тому имеется несколько причин: среди единоверческих приходов не было признаков обновленчества, приспособления к времени и власти; основная масса их прихожан принадлежала к сословиям, подлежащим полному уничтожению; в этих приходах были сильны традиции соборности, общинности,

взаимоподдержки; был глубоко укоренен бытовой и семейный уклад, что вызывало у новой власти особую озабоченность.

Первые попытки разработать Положение относятся еще к 2010 г., но и в последующие годы в Комиссии накапливался опыт: по мере увеличения количества старообрядных приходов (на сегодняшний день их около 40 с тенденцией к увеличению этого числа) осуществлялся анализ их церковного служения. В изначальном проекте Положения говорилось в основном об употреблении в таких приходах дораскольных богослужебных книг и уставов, о древнем знаменном пении. Но и тогда уже проявилась одна особенность этих приходов, приводящая к разрушению старообрядной общины, – когда местный архиерей назначал на старообрядный приход священника, внутренне тяготящегося древним чином или равнодушного к нему. Такая ситуация повторялась в разных местах несколько раз, и в каждом случае возникали большие нестроения. Уже в самый ранний проект Положения предлагалось включить пункт о принятии во внимание правящим архиереем мнения прихода при назначении или удалении старообрядного духовенства, как это происходило в прежние времена существования единоверия.

Важное значение в осмыслении проблемных вопросов служения старообрядных приходов, помимо заседаний Комиссии, было обсуждение текущего состояния дел на ежегодно проводимом в рамках Международных Рождественских чтений круглого стола с участием духовенства и представителей этих приходов. Еще более важным событием были встречи со старообрядным духовенством председателя Комиссии митрополита Волоколамского Илариона на специальном учебном семинаре, организованном в январе 2018 г. в Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

— *Как охарактеризуете документ?*

— Документ для нас долгожданный. Определенная востребованность в старообрядных приходах имеется, и это хорошо известно членам Комиссии, которые наблюдают устойчивую динамику их численного роста. При этом большая часть прихожан Русской Православной Церкви, да и старообрядцев, практически не имеют информации о том, что такие приходы существуют и их церковное служение одобряется священноначалием. Ведь в Уставе Русской Православной Церкви и до сих пор еще нет упоминания о бытии в ее составе таких приходов (полагаю, что было бы правильно восполнить такое упущение на предстоящем Архиерейском Соборе). Хочется выразить надежду, что принятый документ вызовет определенное воодушевление среди паствы и духовенства старообрядных приходов.

— *Все ли ожидания оправдались?*

— Почти все нынешние старообрядные приходы все еще переживают период становления, осмысления своего места и значения в общецерковной жизни. Поэтому и принятый документ мне представляется вполне соответствующим современной фазе развития этих приходов. И в Положении заложен гораздо больший потенциал развития, чем может показаться на первый взгляд.

Обычно в старообрядной среде остро обсуждается вопрос о рукоположении или назначении особого старообрядного (единоверческого) архиерея, как это было предусмотрено «Определением о единоверии» Священного Собора Православной Российской Церкви 1917/18 годов. Такие архиереи действительно в некоторых епархиях были вплоть до 1937 г., когда Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским) было издано определение (№ 31 от 11 марта), предписывающее из-за ареста последнего служащего единоверческого епископа Саткинского и Керженского Вассиана (расстрелян в 1938 г.) «управление единоверческими приходами в каждой епархии впредь до новых распоряжений передать местным архипастырям на общем основании».

Что дало бы поставление старообрядного архиерея? Результат был бы и практический, и дидактический. С одной стороны, возросла бы оперативность разрешения местных приходских проблем в совете с правящими архиереями (поставление духовенства и чтецов по старому обряду, освящение храмов и т.п.), а с другой стороны, весь православный народ время от времени видел бы, например, на Патриарших служениях в Храме Христа Спасителя, старообрядного архиерея, что психологически изменило бы отношение к единоверию в Русской Православной Церкви. Замечу, что расхожее возражение о недопустимости «параллельной иерархии» в данном случае неправомерно, поскольку речь сегодня может идти только о Патриаршем викарии, коих никто не воспринимает в качестве «параллельной иерархии».

Но имеется ведь и другая сторона проблемы. В «Определении о единоверии» 1918 г. сказано: «Ходатайства об учреждении в той или другой епархии единоверческой епископии, с указанием средств на содержание ее, осуществляется чрез местного епархиального архиерея» (п. 11). То есть мало иметь кандидата, нужно еще хорошо продумать место расположения кафедры и определить средства для содержания. Да и в целом единства мнений по вопросу о необходимости иметь своего архиерея у единоверцев сейчас нет. Видимо, как считает священноначалие, час еще «не приспе». Будем набирать силу и авторитет.

Имеется еще одна проблема, осознанная нашей паствой и духовенством, — потребность в регулярном общении и организационном устройстве старообрядного движения. В значительной мере разрешению задачи призван способствовать Патриарший центр древнерусской богослужебной традиции, учрежденный по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 3 июля 2009 г. в Москве при Покровском храме в Рубцове (ул. Бакунинская, 83) и призванный стать основной базой для деятельности Комиссии по делам старообрядных

приходов и по взаимодействию со старообрядчеством. Центр призван в своей деятельности способствовать развитию и координации служения старообрядных приходов, заниматься издательской, информационной и научно-исследовательской деятельностью в области церковной медиевистики, чтобы прикосновение православных людей к древнему богослужению имело не случайный, а научно выверенный характер, основанный на подлинной святоотеческой духовности. Определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2011 г. принято решение развивать центр и как «учреждение по подготовке единоверческих клириков» (п. 23 Определения «О вопросах внутренней жизни и деятельности Русской Православной Церкви»). Патриарший центр располагает необходимыми помещениями и средствами оргтехники, располагается в приходском доме храма Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове.

Основным средством общения, имеющим большое значение в осмыслении вопросов служения старообрядных приходов, помимо заседаний Комиссии, является ежегодно проводимые в рамках Международных Рождественских чтений конференция «Старый обряд в Русской Православной Церкви: прошлое и настоящее», а также вышеупомянутый круглый стол по проблемам старообрядных приходов с участием духовенства и представителей этих приходов.

В качестве примера самоорганизации старообрядных приходов можно назвать тот факт, что сегодня помимо Патриаршего центра древнерусской богослужбной традиции действуют уже три региональных епархиальных центра – в Симбирске, Тихвине, Верхнем Тагиле. Главная их задача — популяризация духовного наследия Древней Руси, но эти центры могут быть полезными и в другом отношении. Единоверие ведь немногочисленно, не в каждой епархии целесообразно создавать приходские общины, а потребность в совершении церковных треб в близлежащих епархиях возникает (например, при отпевании покойников, что требует оперативности). Пока трудно сказать, смогут ли региональные центры разрешать межъепархиальные вопросы, но они в реальной жизни возникают.

— *Какие еще вопросы удалось или не удалось решить вновь принятым Положением?*

— Имеются митрополичьи округа, где старообрядных приходов несколько. При этом, как правило, они оказываются в разных епархиях. Важно, что Положение о старообрядных приходах предусматривает возможность создания при епархиях (в т.ч. и митрополиях) старообрядных благочиний. И ведь такое благочиние может быть учреждено и при Святейшем Патриархе. Это не исключается принятым Положением. Московское старообрядное благочиние могло бы входить в этом случае в структуру Московской епархии.

Случается, что имеется возможность создания в той или иной епархии старообрядного прихода и имеются объективные предпосылки его образования, но при этом отсутствует желание правящего архиерея вникать в его нужды и особенности. Но в церковной реальности ныне существуют ставропигиальные приходы (в особых, конечно, случаях) и Патриаршие подворья. Почему бы не применять эту практику в исключительных обстоятельствах к некоторым старообрядным приходам? А экспертную оценку положения дел в конкретной епархии могла бы дать Комиссия по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством.

Интересно, что в Русской Православной Церкви Заграницей имеется старообрядный приход, отнюдь не малочисленный (г. Ири, штат Пенсильвания), который имеет статус ставропигиального, управляется митрополитом Нью-Йоркским и Восточно-Американским через посредничество епископа Каракасского и Южно-Американского Иоанна. И никаких проблем, включая экклесиологические, не возникает.

Пришло ли время подумать о возможном представительстве от старообрядных приходов на Поместном Соборе? Это никак не касается Положения о старообрядных приходах, но может быть отражено в Уставе Русской Православной Церкви.

Наша Комиссия ежегодно подотчетна Священному Синоду, а образована даже не Синодом, а Архиерейским Собором. Логичнее прямо и отразить в названии Комиссии, что она по статусу – Синодальная, как ее нередко и сейчас в церковных документах называют.

— *Есть ли еще какие-либо особенности организации старообрядных приходов?*

— Существуют, но нет никакой необходимости прописывать их в текст Положения, тем более что чаще всего они вписываются в действующие церковно-правовые документы.

Да, в старообрядных приходах более строго соблюдаются действующие церковные каноны, более значима в приходе роль мирян, рядовых членов приходской общины. Но зачем это особо акцентировать? Или еще пример: по дораскольской традиции к церковному причту относилось не только духовенство, но и алтарники, даже хористы (чтецы, певцы). На них распространялись соответствующие дисциплинарные нормы (обязательное Причастие и Исповедь по меньшей мере в Великий пост и др.). Кто же будет возражать, что это плохо? Может статься, что в какой-то мере старообрядные приходы послужат хорошим примером и для приходов общепринятого обряда. Почему бы не помечтать?

Не могу не заметить, что среди старообрядного духовенства обсуждается вопрос о желательности иметь в этом сообществе если пока не структурный, то хотя бы совещательный духовный орган, позволяющий на добровольной основе иметь суждение по возникающим вопросам духовного, литургического и канонического порядка.

— *Что бы Вы хотели пожелать читателям?*

— По текущему моменту – духовного трезвения, особой бдительности души. На человека вновь восстали адские силы, которые все смелее и агрессивнее на земле себя проявляют, с неудержимой силой идет расчеловечивание. И это время проверки: где твое сердце, твоя душа – к горнему стремится миру или земному?

Если же сказать в общем, то по жизни у меня не было недостатка в мудрых учителях, не исключая из их числа и старообрядцев старшего поколения. Их совет был, казалось бы, достаточно простым, но для нынешних времен он все более актуален: никогда не забывай, что прежде всего ты – христианин, носитель евангельской любви и сострадания ко всем людям, только после этого, если усвоишь, – ты православный христианин, носитель святоотеческой веры и Предания, а уж и после этого – ты носитель традиции и предания Святой Руси, что накладывает на тебя определенные обязательства.

Тяжело говорить, но выросло поколение манкуртов. За редким уже исключением. И особенно тяжело видеть церковных манкуртов: где бы что не взять, только б не свое. Ни в коем случае не мыслю рядить новое церковное поколение в кафтаны и сарафаны, но и искренне не могу понять тех людей, у которых родная традиция вызывает ехидную усмешку. Не может быть будущего без уважения к прошлому, без его понимания и осознания его уроков. Все народы (кто как народ сохранится) будут над нами смеяться и нас презирать, если мы будем сторониться своего, а то и глумиться над ним. Русскому народу есть что помнить и что хранить!

Беседовал Владимир Басенков

<http://www.patriarchia.ru/db/text/5932466.html>

Дата обращения: 1 июня 2022 г.